

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Н.В. Исаев

К концу XX века уровень регистрируемой преступности в России пересек трехмиллионный рубеж и почти приблизился к максимальному уровню регистрации преступлений в СССР¹. Количество преступлений, приходящихся на 100 тыс. человек населения, перевалило за 2 тысячи. Страх стать жертвой тяжкого уголовного преступления в структуре гражданских тревог занимает одно из первых мест, опережая опасение стать безработным или заболеть неизлечимой болезнью.

Криминологи выражают опасение, что преступность приближается «к национальному порогу качественного и количественного насыщения», что именно преступность сейчас реально выступает едва ли не важнейшим препятствием демократических преобразований, поскольку «политическая и экономическая свобода не может существовать с петлей преступности на шее»². Высказывается мнение, что демократия и либерализм оказываются крайне неэффективными в борьбе с развязанным произволом.

Российское общество постепенно свыкается с тем, что государство не способно эффективно защитить своих граждан от захлестнувшего вала преступности. Криминализация общественного сознания создала надежный плацдарм для виктимизации общества. Официальная уголовная статистика не отражает истинного состояния дел с преступностью. В то же время латентная преступность поражает воображение своими размахами. На вопрос, почему среднестатистический россиянин не обращается в милицию по поводу совершенного преступления, обычно дается ответ: опасение возмездия со стороны преступников, неверие в возможность их изобличения, пустая трата времени и т.д.

Почему россияне чувствуют себя «жертвенной овцой» в руках преступности? Какова взаимосвязь и взаимозависимость между латентной преступностью и жертвами преступлений?

По мнению автора, проблему следует рассматривать в двух плоскостях: в сфере обеспечения эффективной системы регистрации и учета преступлений, уменьшающей факторы их латентности, и в сфере обеспечения прав жертв преступлений, основанных на общепризнанных международных нормах и стандартах.

Согласно УПК РСФСР, преступление в учетном и уголовно-процессуальном смысле «появляется» лишь с момента возбуждения уголовного дела. При этом отсекаются все другие криминальные проявления, которые данного удостоверяющего признания не получили. В итоге рассматриваемое обстоятельство приводит к явлению искусственной латентности. Разработчики Концепции судебной реформы (1991 г.) исходили из необходимости создания специального органа ре-

¹ По официальной статистике в 1991 г. в СССР было зарегистрировано 3 223 147 преступлений.

² См.: Горяинов К.К., Овчинский В.С. Улучшение взаимоотношения граждан и милиции: Доступ к правосудию и Система выявления, регистрации и учета преступлений. Центр Содействия Правосудию при Региональном общественном фонде ИНДЕМ. М., 2001.

гистрации и учета преступлений, независимого от следствия и дознания¹. Причина такого подхода заключалась в том, что две различные функции: выявление преступлений и их раскрытие — возлагались на один и тот же субъект — ОВД. Такая ситуация невольно создает возможность манипулирования раскрываемостью преступлений путем оптимизации соотношения зарегистрированных и раскрытых преступлений.

Следует согласиться с позицией ряда ученых-криминологов, предлагавших считать единицей первоначальной регистрации и учета — конкретное криминальное проявление, расследование которого предусмотрено законом. Нельзя отрицать тот факт, что существует определенная последовательность в отношении преступления в целом: криминальное проявление (происшествие с признаками преступления) — деяние, содержащее необходимые и достаточные признаки преступления — признанное судом преступление. В ходе расследования криминальных проявлений часть их будет снята с учета в связи с отсутствием события или состава преступления либо по иным основаниям. Другие будут признаны преступлениями и учтены в качестве таковых, например, после вынесения постановлений о привлечении конкретных лиц в качестве обвиняемых или вынесения приговора.

Используя такой подход, мы, несомненно, будем иметь наиболее полную картину криминальной обстановки в стране, а также использовать признаки криминального проявления в качестве процессуального основания начала предварительного расследования.

Именно по регистрации заявлений и сообщений о криминальных проявлениях судят о состоянии криминальной активности в таких странах, как США, Франция, Германия, Голландия и т.д. При этом регистрация криминальных проявлений не препятствует дальнейшему уточнению картины преступности с учетом ее тяжести и процессуальной законности.

Следует признать, что за прошедшие десять лет принципиального решения так и не было принято. В результате общество лицом к лицу столкнулось с последствиями «хронической» латентной преступности.

Что же такое латентная преступность? Выдающийся криминолог А. Кетле, одним из первых оценивший значение латентности, отмечал, что существует почти неизменное соотношение между зарегистрированными преступлениями и неизвестной нам суммой современных преступлений. Если бы это соотношение не существовало в действительности, то все до сих пор установленное на основании данных уголовной статистики было бы ложным и бессмысленным.

Таким образом, говоря о латентной преступности, мы фактически говорим о выпавшей из поля зрения статистики части реально существующей преступности. Учитывая многообразие латентной преступности, остановимся на наиболее значимых ее видах: «незаявленной» и «искусственной» латентности. Первый вид определяет количество преступлений, о которых не сообщается в ОВД. Второй вид является продуктом профессионального «творчества» правоохранительных органов и определяется объемом скрытых от учета заявлений о совершенных преступлениях.

¹ Предлагались варианты: независимый орган по регистрации преступлений при Минюсте России, единый информационный центр правоохранительных органов при Генеральном прокуроре РФ, информационный центр при Госкомстате России.

Приведу лишь некоторые цифры, в известной степени отражающие состояние «незаявленной» латентной преступности. В.В. Лунеевым установлено, что только 25% жертв телесных повреждений и мошенничества обращаются в правоохранительные органы; около 20% — в случаях угрозы убийством или иной угрозы; и лишь 10% — при совершении вымогательства¹. По оценкам 80% работников правоохранительных органов в их поле зрения попадает не более 5% совершаемых вымогательств². Причем показатель латентности вымогательств является одним из самых высоких среди других преступлений: 17 000 случаев на 1 зарегистрированный³.

В 1999 году доля всех граждан, подвергшихся преступным посягательствам, составила 27,2% опрошенных, при этом 43,7% пострадавших не обращались в правоохранительные органы⁴. Несложно подсчитать, сколько же россиян являются жертвами и каково соотношение между «*de factum*» и «*de iure*». По данным опроса, проведенного ВНИИ МВД РФ в 21 регионе России, жертвами преступлений в 2000 г. себя признали около 38 млн россиян, которые сделали около 21 млн заявлений в органы милиции. Следовательно, 17–18 млн потерпевших таких заявлений не делали.

В 2000 г. россияне информировали правоохранительные органы о 14 млн совершенных преступлений. Фактически же было зарегистрировано 2,95 млн преступлений. Следовательно, около 11 млн преступных деяний и составляют «искусственную» латентность. Кроме того, среди «незаявленных» фактов скрывается около 11 млн преступлений⁵.

Исходя из этих вычислений, общий массив латентных криминальных проявлений составляет около 22 млн. Эти 22 млн и есть текущая криминальная латентность.

Как это ни печально, современная Россия является своеобразным Клондайком для виктимологических научных исследований. Неэффективность деятельности системы уголовного правосудия и опасение вторичной виктимизации являются основными причинами нежелания жертв преступлений обращаться в правоохранительные органы.

Таким образом, опасение вторичной виктимизации превратилось в один из важнейших факторов, обуславливающих высокий уровень латентной преступности в стране. По данным В.В. Вандышева, изучившего более тысячи уголовных дел, вторичное преступное воздействие осуществлялось в отношении 30% жертв

¹ См.: Углубление социального контроля преступности — одна из предпосылок решения социально-экономических проблем (материалы круглого стола) // Гос. и право. 1999. № 9. С. 76.

² Тирских Г.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с вымогательством: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 107.

³ Кудрявцев В.Н. Современные проблемы борьбы с преступностью в России (доклад на заседании Президиума Российской академии наук) // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 9. С. 791.

⁴ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М., 2000. С. 11.

⁵ В России ежегодно «домашнему насилию» подвергаются до 2 млн несовершеннолетних; жертвами сексуальных посягательств становятся около 8 тыс. детей; более 50 тыс. детей убегают из семей, спасаясь от жестокости родителей. См.: Долгосрочный прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации. М., 1996. С. 54; Ананиан Л.Л. Жестокость в семье. М., 2000. С. 5, 81.

преступлений, вследствие чего большинство из них (65,4%) вынужденно принимали меры, направленные на противодействие расследованию¹.

Неспособность государства эффективно бороться с преступностью очевидна не только криминалистам. До сих пор не разработано четкой уголовной политики в сфере борьбы с преступностью, отсутствуют реальная программа предупреждения преступности и защиты жертв преступления. Несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства² в борьбе с организованными ее проявлениями существенно затрудняет работу правоприменительных органов. Необходимо отметить, что Россия по количеству работников милиции принадлежит к числу стран с самой «дешевой» и малочисленной системой охраны правопорядка. В Германии один полицейский приходится на 333 человека населения, в США — на 357, а в России на 556.

Явно недостаточное финансирование МВД превращает реальную борьбу с преступностью в «виртуальную». Подтверждается старая истина: нет ничего дороже дешевой юстиции. Преступность зарегистрированная, но еще многократно укрытая и незаявленная — самая страшная плата за «дешевизну».

Объективно этому способствует наличие в стране ряда мощных криминогенных факторов, выступающих катализатором количественных и качественных изменений преступности. Они хорошо известны российскому обществу: упадок духовных ценностей, массовое снижение жизненного уровня населения³, безработица⁴, резкая имущественная дифференциация между богатыми и бедными⁵ и т.д.

Особое беспокойство общества вызывает рост организованной преступности, являющейся существенным фактором, сдерживающим экономические реформы⁶. Надежды на обуздание преступности путем улучшения экономического положения страны в данный период призрачны. Как показывает зарубежный опыт, рост экономического благосостояния не влечет уменьшения организованной преступности, а лишь видоизменяет ее, ослабляя насильственную направленность преступлений⁷.

В ряде криминологических исследований, проведенных в России, были сделаны выводы о переходе от стадии становления организованной преступности к стадии качественного преобразования преступных сообществ в более сложные формы, охватывающие транснациональный масштаб деятельности (например,

¹ Вандышев В.В. Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию // Человек против человека. СПб., 1994. С. 54.

² Россия до сих пор продолжает жить по «закону несуществующей страны» — УПК РСФСР.

³ Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума постоянно увеличивается: с 20,8% (30,7 млн человек) в 1997 году до 22–23% (32–34 млн человек) в 1999 году.

⁴ К началу 2000 года рост числа безработных составил около 13% трудоспособного населения. См.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. Под общ. ред. А.И. Гурова. М., 2000. С. 19.

⁵ В России по данным официальной статистики 35–40% граждан находятся за чертой бедности, а по оценкам независимых экспертов значительно больше. См.: Баимбетов А.А. Криминальная статистика как показатель состояния общества // Социологические исследования. М., 1997. № 8. С. 74–75.

⁶ Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 95.

⁷ Максимов С.В. Организованная преступность в России: состояние и прогноз развития // Юридический бюллетень предпринимателя. 1998. № 4. С. 124–125.

преступные ассоциации в масштабах государства, транснациональные преступные объединения)¹.

Результаты опроса жителей г. Краснодара (ВНИИ, 2000 г.) показали, что из 100 опрошенных 42 человека сталкивалось с преступлениями, совершенными организованными преступными группами. Жертвой организованной преступности боятся стать практически все опрошиваемые (87%). При этом 9% опрошенных указали на то, что они подвергались такому посягательству, в том числе от краж — 22% от числа пострадавших, хулиганства — 21%, причинения тяжких телесных повреждений — 15%, мошенничества — 12%, вымогательства — 8%. Однако за помощью в правоохранительные органы обратилось лишь 63% пострадавших. Среди причин, приведенных в качестве нежелания обращаться в милицию, почти каждый третий респондент (31%) назвал неверие в помощь милиции.

Рост организованной преступности напрямую связан с увеличением вторичного криминального воздействия на жертв и свидетелей преступления. Так, опрос 120 респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов показал, что работники ОВД относят незащищенность жертв и свидетелей к основным факторам, препятствующим борьбе с данным видом преступности². Следственная практика показывает, что одним из мотивов распространенных в России «заказных убийств» является устранение свидетелей³.

Таким образом, одним из важных направлений успешной борьбы с преступностью является обеспечение безопасности жертв и свидетелей преступления. Но реалии таковы, что жертвы преступлений в массе своей не желают сотрудничать с правосудием. В связи с этим возникает проблема правомерности принудительного вовлечения государством лиц, пострадавших от преступления, в уголовный процесс. Как поступать в отношении потерпевшего, который отказывается давать показания по причине опасения противодействия со стороны обвиняемого (подозреваемого) и иных заинтересованных лиц?

Рассматриваются два варианта: либо привлечь потерпевшего к уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ, либо, исходя из «нравственных» соображений, избегать применения норм права, изложенных в указанных статьях уголовного закона⁴.

По мнению автора, позиция в данном случае может быть только одна — отказ от сотрудничества с правосудием. Если государство пытается возложить на жертву преступления исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, сопряженных с опасностью для последнего, не обеспечивая ему личную безопасность, то данный отказ, безусловно, правомерен. Сделанный вывод соответствует концептуальному положению о взаимной ответственности государства и гражданина в правовом государстве. Показателен пример ряда стран (Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии), где закон предоставляет свидетелям право «отказаться от дачи

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 468–469; Галимов И.Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань. 1998. С. 7–8.

² Белоцерковский С.Д. Рэкет. Криминологическая характеристика. Меры общего и специального предупреждения. Дисс. ... канд. юрид. наук, М., 1997. С. 135.

³ См: Лунеев В.В. Указ. соч. С. 207.

⁴ Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Проблемы безопасности участников уголовного процесса // Гос. и право. 2000. № 2. С. 54.

показаний, если им угрожает опасность»¹. Руководствуясь классическим правовым положением о том, что возможность избирать вариант поведения является главным элементом всякого юридического права, государство могло бы обеспечить потерпевшим свободу выбора в обращении с заявлением о преступлении в органы правосудия. Конечно, это не решит проблему борьбы с преступностью, но существенно снизит напряженность отношений не только в сфере уголовного правосудия, но и в обществе.

Осознание жертвами преступления, что государство обеспечит надежную защиту их конституционных прав и интересов, безусловно, даст положительный результат. Необходимость принятия таких мер очевидна, так как без сознательного сотрудничества потерпевших с уголовным правосудием борьба с преступностью в наиболее тяжких ее формах становится практически невозможной.

Остановимся на правовом понятии жертвы преступления. Жертва — постоянный, неизбежный элемент, следствие проявления природных, социальных, техногенных процессов. Мы часто слышим о жертвах стихийных бедствий, жертвах войны, жертвах случайности, жертвах СПИДа. Какое же положение занимает жертва преступления в современном российском праве? К сожалению, мы найдем ее определение только в криминологии и виктимологии — относительно новом научном направлении в рамках криминологии. Признавая многоликость жертв, виктимология реально исследует только ее криминальную составляющую — все, что связано с жертвами преступлений.

Следует отметить, что виктимологические исследования не ограничиваются рамками психологии жертвы, в ее предмет входит и массовая уязвимость, уязвимость отдельных социальных, профессиональных групп и т.п. Обладание сведениями об удельном весе жертв в общей массе населения, их количественных и качественных показателях, несомненно, способствует выработке стратегии и тактики предупреждения и борьбы с преступностью.

Выработанный десятилетиями стереотип противостояния «государства» и «преступника» превращает жертв преступлений в «прислугу», обеспечивающую это противостояние. Поэтому в большинстве случаев жертва ассоциируется с участником уголовного процесса: потерпевшим — лицом, которому преступлением причинен физический, моральный или материальный вред. Такого понимания юридической природы жертвы преступления и ее материализации в рамках права явно недостаточно. Пассивная роль жертвы тормозит развитие законодательства в интересах обеспечения ее прав. Так, в частности, для отказа в возбуждении уголовных дел или их прекращения согласия от фактической жертвы деяния не требуется. Значительная доля граждан, заявивших в милицию о преступлениях, не информируется о том, какие меры принимаются по этим заявлениям². «Отчужде-

¹ Gosk. Z. Op.cit.-Heine G. Zur Recht und Praxis des Spannungsfeldes von Zeugen im schweizerischen Strafverfahren // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. Bern. 1992. Bd. H. 1. S. 55,62.

² По данным исследования, проведенного Институтом Гэллага по заказу UNJCRJ в 2000 г. путем телефонного опроса 1 500 москвичей, потерпевших от различного рода посягательств, милиция не информировала о своих действиях на заявления о кражах из автомобилей — в 62% случаев, о кражах с проникновением в жилища — в 71% случаев, об ограблениях и разбоях — в 63% случаев. В 19% случаев на официальные заявления руководителей предприятий и организаций о совершенных преступлениях милиция не давала никакой ответной информации.

ние» и «вытесняющее» отношение милиции к жертвам преступлений является существенным психологическим фактором, препятствующим обращению в ОВД.

По большому счету, жертвам преступлений безразлично, в каком качестве их воспринимают теоретики права. Они хотят одного — обеспечения государством личной безопасности индивида, провозглашенной Конституцией РФ и конкретизированной Законом РФ от 5 марта 1992 года «О безопасности».

Фактически же сегодня в России сложилась феноменальная ситуация: с одной стороны, жертвы преступлений опасаются возмездия преступной среды, а с другой — осуществляется государственное противодействие доступу жертв преступления к правосудию. Можно обвинить автора в предвзятости, но не следует с этим торопиться. Обратимся к положениям «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.)¹.

В соответствии с данным документом квалифицируются как злоупотребление властью:

- неуважительное отношение к жертвам, ущемление их достоинства;
- непредоставление жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства и о результатах рассмотрения их дел;
- необеспечение возможности изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы;
- необеспечение надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства;
- непринятие мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечение их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести;
- необеспечение права жертв на реституцию, компенсацию и социальную помощь.

В сложившейся ситуации нынешней системе правосудия довольно сложно будет опровергнуть хотя бы один пункт этого своего рода международного «обвинения».

Возникает риторический вопрос — что делать? Ответ прост: приводить национальное законодательство в соответствие с общепризнанными международными нормами и стандартами, обеспечивающими защиту лиц, содействующих правосудию. В русле общей правовой интеграции, участником которой является и Россия, сближение российского законодательства с этими стандартами является естественным и необходимым.

В заключение хотелось бы отметить, что преодоление преступности наступит лишь тогда, когда все российское общество, а не только органы уголовной юстиции, станет субъектом предупреждения криминальных проявлений. Таким образом, важнейшей задачей государства является разработка федеральной программы защиты жертв преступлений и скорейшее принятие федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному правосудию»².

¹ Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 242.

² Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству», принятый Государственной думой в декабре 1994 г., был отклонен Президентом РФ в январе 1995 года и в мае 1997 года...